

С.Н. Комиссаров

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются социокультурные аспекты идентичности. Показаны основные проблемы и тенденции развития современной российской культуры, определяющие процессы идентификации.

Ключевые слова: *социокультурные факторы идентичности и идентификации, социальное воспроизводство культуры в условиях рынка и развития новых информационных технологий.*

С.Н. Комиссаров

доктор философских наук, профессор, руководитель центра по связям с общественностью и средствами массовой информации Института социологии Российской академии наук (г. Москва)

E-mail: presscentre@isras.ru

© Комиссаров С.Н., 2013

S.N. Komissarov

SOCIOCULTURAL FACTORS IDENTIFICATION

The article analyzes social and cultural aspects of identity. Shows the main problems and trends of development of contemporary culture in Russia, that determine the processes of identification.

Key words: *social and cultural aspects of identity and identification, social reproduction of culture in the terms of market economy and modern IT.*

S.N. Komissarov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Center of Public Relations and Media Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

E-mail: presscentre@isras.ru

© Komissarov S.N., 2013

Актуализация проблемы идентичности и процедуры идентификации – одно из наиболее общезначимых последствий глобализации. В динамично изменяющемся контексте социокультурная турбулентность охватывает внутренний мир человека и национальных сообществ, которые оказываются не в состоянии адекватно и своевременно реагировать на не известные ранее вызовы. «На пороге третьего тысячелетия, – писал в середине 90-х гг. Томас Франк, – ощущается, что наступает глобальный

кризис идентичности. Наша психика и даже наша материальная оболочка, кажется, все более и более опираются на расколотую и мозаичную самоидентификацию. В нашей душе соперничают разные слои лояльности: к семье, к этносу, к нации, к универсальной или партикулярной церкви, к транснациональной корпорации или ремесленному цеху, возможно, даже к институтам, основанным на общечеловеческих идеалах гуманности. Таким образом, оказывается, что мы должны произвести инвентаризацию, переидентифицировать самих себя [1, с. 151]. Однако радужные надежды глобалистов на то, что в новом веке «национальные государства передают наднациональным структурам функцию обеспечения социальной безопасности своих граждан и, следовательно, не являются уже больше единицами идентичности» [2, с. 20], оказались несостоятельными.

Последние десятилетия наглядно демонстрируют разногенность цивилизаций и усиление защитной регенерации национальных культур, генотип каждой из которых определяет соответствующую национальную идентичность. Тем самым подтверждается известный тезис С. Хантингтона о том, что «наиболее значимые конфликты глобальной политики будут в будущем разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к различным цивилизациям». Понимая цивилизацию как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень идентичности людей», которая определяется «наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, нормы, история, религия, традиции, института, – а также субъективной самоидентификацией людей», С. Хантингтон пишет: «В прошлых классовых и идеологических конфликтах ключевым вопросом был следующий: «на чьей ты стороне?» – и люди могли и выбирали стороны, и переходили с одной стороны на другую. В конфликте цивилизаций вопрос состоит в другом – «кто ты?» Это дано раз и навсегда и не подлежит изменению» [3, с. 34, 27]. Таким образом, роль идентичности как социально организующего принципа резко возрастает в условиях современной глобализации. Она оказывается связующим началом микро- и макро социокультурного пространства, смыслообразующим для отдельной личности, социальной (национальной) общности и государственного образования. Кроме того, идентичность определяет не только синхроническую, но и диахроническую целостность любой социальной общности, ее связь не только с «пройденным» прошлым, но и с предстоящим будущим.

Многие ученые пытались дать определение этому сложному и едва ли не самому «модному» ныне понятию. М. Кастельс обосновал системную, комплексную природу феномена идентичности, не укладывающегося только в рамки психологии, социологии или культурологи [4]. Э. Эрикссон считал идентичностью внутреннюю непрерывность и тождественность личности, структурными составляющими которых являются чувство личностного тождества и исторической непрерывности личности, осознания

этого тождества и того факта, что другие признают мое тождество, переживание чувства идентичности, которое с возрастом и по мере развития личности усиливается [5]. А. Ватерман связывал идентичность с самоопределением индивида в выборе своих жизненных целей, ценностей и убеждений [6]. По мнению Дж. Мида, идентичность – динамичная структура, развивающаяся нелинейно и неравномерно в течение всей жизни человека в результате его социального опыта и в соответствии с изменениями социального контекста [7]. Понятие «идентичность», в отличие от «национального самосознания», включает не только осознанное, но и неосознаваемое (это отмечал еще Дж. Мид), не только рациональное, но и эмоциональное отношение к действительности, и даже психосоматическую – реальную или представляемую – связь с определенной национальной и социально-исторической общностью и даже пространственно-временной средой ее обитания. Очень важную роль для понимания идентичности как «внутреннего вектора» развития цивилизации играет понятие «историческая система» (И. Валлерстайн [8]), которая отражают пространственно-временную целостность, раскрывающую динамику современной реальности. И хотя сам Валлерстайн считал, что органичный характер функционированию «исторической системы» придают зафиксированные в системе законов интегрированные процессы производства, первичные по отношению к обмену, политическим отношениям, культурному единству и т.д., все-таки правильнее было бы назвать его новую структурную единицу социального анализа «историко-культурной системой».

В отечественной литературе анализ проблемы идентичности осуществлялся в предметном поле разных наук – этносоциологии и этнопсихологии (Р.Г. Абдулатипов [9], Ю.В. Арутюнян [10], И.В. Антонова, Л.М. Дробижева [11], А.Н. Сусоколов, Н.Е. Тихонова [12], В.А. Тишков [13], В.А. Ядов [14] и др.), социальной философии [15], политологии и истории (А.С. Панарин [16], В.И. Пантин, М.А. Чешков, П.А. Цыганков, А.И. Фурсов и др.).

Однако специфика этого сложного феномена вряд ли станет понятна без социокультурного анализа. Его методологические основы заложил наш соотечественник, великий социолог Питирин Сорокин [17], который считал исторический процесс циклической флуктуацией типов культур. История в интерпретации П. Сорокина предстает как иерархия в различной степени интегрированных культурных систем, «суперсистем», базовым основанием которых является свехорганическая система ценностей. Материализации «чистых культурных систем» осуществляется в деятельности носителей этих ценностей – индивидов и социальных институтов. Значимость культурного единства этнической группы как смысла ее существования показал Ф. Барт в концепции «культурных границ» и «культурной дистанции» [18]. Серьезный вклад в развитие социокультур-

ного подхода внес Л.Г. Ионин [19], который одним из первых в отечественной социологии дал на базе использования понятия идентичности теоретическое объяснение усвоения новых культурных моделей. Л.Г. Ионин выделял культурную идентичность, но он считал ее одной из форм национальной идентичности, наряду с политической и мифологической [20]. Одни ученые считали культуру чуть ли не синонимом идентичности (С. Бенхабиб [20], Дж. Де Вос [21]), другие – полем ее формирования. Практически все исследователи не исключали культуру из факторов формирования идентичности, но в рамках «процессуального» (А. Ватерман) подхода, трактующего культуру как неотъемлемую *часть* процесса идентификации личности или социума. Социокультурный анализ выявляет партикулярность таких трактовок, исходящих из признания культуры *одним из факторов* идентификации. Однако вне культуры – ограничив систему детерминантов идентичности и ее качественные особенности только социальным опытом или социальным измерением – нельзя понять не только содержательные характеристики, но и самую *природу* идентичности, которая носит социокультурный характер. Раскрытие смысла этого термина в рамках социокультурного анализа потребует отметить, что это не имеет ничего общего с пониманием культуры как набора развлекательных услуг и даже совокупности овеществленных художественных ценностей. Здесь речь нужно вести о культуре как КАЧЕСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ социума, обеспечивающем *человеческое* начало в каждом индивидууме и в обществе в целом, – начало, соотнесенное, как говорил Александр Солженицын, с высшей силой. В таком понимании культура предстает как главный общественно-исторический институт, определяющий не только социально-культурную идентичность народа в ее синхронической и диахронической целостности, но и как необходимый «способ производства» будущего страны. Национальная культура – генотип цивилизации, его разрушение и насаждение чуждой по духу культуры – этакая духовная вивисекция – подрубает корни культурной самобытности народа, разрушает основы его исторического бытия и его идентичности.

Однако споры о природе идентичности не столь важны, как выявление реальных механизмов идентификации, среди которых социокультурным факторам должного значения не придается не только в науке, но и, что печальнее, в политической практике... Так, например, А. Ватерман выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: 1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие набора социальных ролей [22]. И дело не в том, что религиозные убеждения и моральные ценности являются важнейшими составляющими культуры, но ее не исчерпывают. Важнее понять, что одним из главных факторов идентификации является не про-

сто национальная культура как некая качественная целостность, включающая художественные достижения и нравственные ценности и нормы, социальные институты культуры и ее накопленные материальные богатства. Становление идентичности – процесс непрерывный, его определяет нынешнее *реальное социальное бытие культуры*, в которое непосредственно включен конкретный человек. То есть конкретная форма существования культуры в определенных пространственно-временных координатах. А она в своих содержательных, ценностных и нормативных характеристиках может существенно отличаться от сущностных определений национальной культуры. Причем до такой степени, что может направить процесс идентификации в любую сторону – и общегражданской идентичности, и антигражданской, может войти в противоречие с национальной или этнической идентичностью, может, наоборот, подтолкнуть человека и общность к более жестким связям с национальными корнями и традициями. Поэтому для понимания направленности идентификационных изменений важно знать не только специфику национальной культуры, но и состояние ее нынешнего социального бытия. А это – в силу сложности, противоречивости и незавершенности социокультурных процессов – задача достаточно не простая. Поэтому попытаемся сосредоточить внимание только на важных тенденциях изменения нынешнего социального бытия российской культуры, точнее – социокультурной ситуации в стране, которые отличаются крайней сложностью и противоречивостью.

Конечно же, отечественная культура претерпевает существенные изменения под влиянием процессов глобализации и принципиальной смены политико-экономической парадигмы. На наших глазах меняется эстетическая и ценностно-нормативная среда российского общества, его социокультурные характеристики, критерии его самооценки и т.д. Реорганизуется структура ценностного сознания, меняется иерархия базовых ценностей, происходит их обновление. Такое обновление – процесс чрезвычайно сложный. Анализируя его в философско-психологической плоскости, М. Фергюсон приходит к выводу, что подлинная трансформация сознания, значит, и идентичностей, представляет собой «парадигмальное изменение» [23]. Характер и интенсивность этого изменения может существенно отличаться в разных социальных, национально-культурных средах. Однако механизм его достаточно прост и определен: он не сводится к механической замене старых ценностей на новые. Мнение о том, что «старые ценности» неизбежно «утрачивают свои функции», Т. Парсонс считал не только «бездоказательными утверждениями», но и свидетельством слабости, неэффективности новых ценностей. Эти новые ценности жизнеспособны в той степени, в какой являются более обобщенными, т.е. новая система ценностей не отбрасывает старую, а имманентно – в видоизмененной или в превращенной форме – включает в себя замещаемые ценно-

сти. Поэтому новая система ценностей не альтернатива старой, а более общая, подчеркивал Т. Парсонс [24]. Конечно же, новая идентичность – это не ксерокопия прежней, иначе бы ни один народ не выжил в изменяющихся условиях. Однако новые ценности возникают не в вакууме, а в разлаженной, но живой нормативно-ценностной среде, выживаемость которой обеспечена устойчивостью фундаментальных («высших») ценностей национального самосознания. Эти ценности, связанные с религией и глубокими культурными традициями, составляют генотип культуры, который и определяет вектор идентификации все новых и новых поколений.

В 90-е гг. расчет на «спонтанную переориентацию участников старых структур на новые нормативные модели» [19, с. 204] не удался. Поэтому естественный и неизбежный в силу серьезности социальных изменений процесс самопроизвольного обновления ценностно-культурного континуума в 90-е годы был грубо нарушен попытками искусственно – с помощью трансплантации ценностей, вкусов и норм извне – изменить национальный культурный код России. Поэтому в 90-е гг. произошел глубочайший культурный разрыв, большинство населения испытало шок, «культурную травму». Известный поэт Тимур Зульфикаров выразил его так: «Для большинства оказался утрачен смысл земной жизни». Для «культурной инсценировки» [19, с. 6] новой идентичности нужно было сначала разрушить прежнюю. Поэтому топтать советское прошлое стало таким же обязательным ритуалом для новой интеллектуально-культурной элиты, как чистить утром зубы. Некоторые и до сих пор увлеклись этим так, что уже не чистят, а точат на этом зубы. Результаты стратегии либерализации идентичности России примерно соответствуют результатам либерализации ее экономики. Но нам важнее исследовать состояние тех социокультурных факторов, которые участвуют сегодня в процессе идентификации, не прекращающемся до тех пор, пока человек живет. В каком состоянии эти факторы, т.е. каково ныне реальное состояние социального бытия культуры?

Оценки его достаточно противоречивы. Для одних происходящее – трагедия, потому что литература и искусство «разбились вздрезбги», столкнувшись с новой реальностью. Для других – «возрождение подлинной культуры», освободившейся от тоталитарного гнета. Третьи сожалеют о превращении искусства в fast-food. Четвертые констатируют «израсходованность» [25, с. 7] отечественной культуры... Нередко авторы столь категорических суждений, по словам известного политолога, не только договориться, но разговаривать друг с другом не могут. Пестрота общих оценок российской культуры отражает духовный разрыв в российском обществе, доходящий до степени «гражданской войны» в культуре. Разорванность – главное определение не только общества, культуры, но и са-

мого человека – исключает самую возможность конструирования общей идентичности.

Культура, особенно художественная в России была парадигмальным фактором идентификации, т.е. определяла ее духовно-нравственные полюса и направляла ее главный вектор. Однако последние двадцать лет отечественные литература и искусство не дали ничего достойного великих потрясений в жизни народа... Никто из художников не смог помочь человеку понять себя в потрясениях последних десятилетий. Многие деятели искусства и литературы констатируют, что и искусства как такового и текущей литературы просто нет (критик Ж. Голенко, поэт Ю. Кублановский), киноискусство доразвивалось до «саморазрушения» [26, с. 4], положение нынешней драматургии точнее всего определить как драматическое, происходящее на эстраде (как надо говорить теперь – в шоу-бизнесе) известный певец Александр Градский охарактеризовал как «интеллектуальную и творческую катастрофу»...

Почему это произошло? Россия ведь никогда не оскудевала талантами, да и мастера прошлых лет продолжают жить и творить. Прежде всего потому, что – как отмечалось выше – изменился сам способ производства художественных ценностей, технология их создания. Благодаря двум главным факторам – рынку и новым информационным технологиям произошла смена художественно-творческого процесса (по природе своей спонтанного) массовым производством символической продукции [27] – культурной индустрией. Раньше доминировало авторское предложение, ныне характер творчества *определяет спрос*, направляемый, прежде всего, выгодой и интересом арт-продюсеров, приватизировавших различные сегменты системы производства символической продукции. Их главный, определяющий интерес состоит, во-первых, в увеличении доли прибыли – ничего общего с культурой не имеющей. Ведь художественное творчество превратилось для большинства коллег по творческому «цеху» в разновидность предпринимательской деятельности. Художественное произведение стало *товаром*. В литературе, в частности, изначальный акт творения как таинство между писателем, пером и бумагой сменился индустриальным коллективным производством – например, детективного или женского романа – на так называемой «конюшне», где на литературных галерах XXI в. вкалывают (за относительно приличное вознаграждение) одаренные литературные «рабы». Изменился и социальный статус основных участников художественного процесса, прежде всего художника: его творческое самовыражение как самоцель деятельности сменилось функциональным участием в производстве символической продукции. Доминирующим звеном в системе производства символической продукции стал рынок, определяющий и создание, и потребление этой продукции не только в организационно-экономических, но и в содержательно-личностных параметрах.

Теперь выбор темы, жанра, художественного языка и все другие компоненты «творческой кухни» рынок диктует не в меньшей степени, чем идеологическое «прокрустово ложе». Вообще ведущим в художественно-творческом процессе стало распространение продукции. Оно определяет коммерческий успех – а значит, целесообразность производства того или иного «продукта», оно – с помощью рекламы – формирует спрос, потому что производит потребности массового вкуса. Рынок – это тип культуры, определяющий отношения между людьми, их духовно-нравственные качества и эстетические вкусы, сам творческий процесс в литературе и искусстве. Поставлено на поток производство псевдохудожественных телесериалов, прежде всего, детективных, искусственно – как в инкубаторе – фабрикуются «звезды» шоу-бизнеса, миллионными тиражами издаются книги, которые даже их авторы стесняются называть литературой... Система прежнего государственного распространения книгоизданий была намного демократичнее нынешней, по крайней мере, цена книги для жителей центра и окраин была одинаковой.

В результате функция культуры как способа самосознания общества и человека сменилась функцией развлечения и отвлечения от действительности и от вызовов будущего, социального наркотика, средства усыпляющей анестезии общества, над которым производится очередной хирургический эксперимент. Потребительство превратилось в негласную идеологию, которая, несмотря на конституционный запрет, повсеместно насаждается в массовом сознании. Однако потребление символической продукции приводит к последствиям гораздо более глубоким и необратимым, чем стремление к приобретению престижных вещей любой ценой. Ведь «потребности производятся точно так же, как и продукты». Поэтому импортированная модель потребительства воспроизводит не только эстетические вкусы, но и смыслообразующие ценности, жизненные цели и общественные идеалы человека, определяет способы их достижения и характер идентичности человека. Социокультурный смысл происходящего состоит в превращении человека как активного деятеля, созидającego свою – и всю общественную – жизнь, в пассивного потребителя готовых – преимущественно внеотечественных – форм социальной и культурной жизни. Ты – это не то, что создаешь, а то, что ты потребляешь. Наступает социальная атрофия личности: если что-то и стоит делать – так только деньги, но это для избранных. А тебе лично хватит для счастья денег на гамбургер. Но нашему строю души, нашей культуре больше соответствует «общество творчества» (Н.Н. Моисеев). Только в нем можно обрести душевную гармонию и подлинную радость бытия. Потому не потребление, а созидание является одним из краеугольных камней нынешнего процесса идентификации представителей разных социальных и национальных групп.

При этом потребительство порождает иллюзию равенства – при неоспоримом и все более необратимом – увеличении в последние годы глубины социальной пропасти: бутики для избранных и «пятерочки» для остальных. Произошло раздвоение, вернее, «расщепление» искусства на элитарное – для «избранных» и массовое – для «быдла», которое отражает социальную пропасть в обществе, а также стимулирует расслоение сознания по сословному признаку. В этом смысле рекламный призыв: «Все не как у людей» на растяжке, призывающей купить эксклюзивный особняк в элитарном подмосковном поселке, становится символом и особой культуры, для которой вполне естественно за 1 млн \$ пригласить на вечер в закрытый клуб певицу Мадонну... И ее отчужденности от культуры большинства, в рамках которой на одного жителя Дальневосточного федерального округа выделяется в год 15 руб. 25 коп. Так становится «узаконенным» разделение отечественной культуры на «рублевую» и «рублевскую»... Как это отразится на идентификации субъектов этих двух культур? Когда разнонаправленность их идентичностей неминуемо столкнет их носителей?

Маскульт как эрзац искусства становится чуть ли не основным направлением развития художественной культуры. А подлинно художественные творения находят все меньшее число почитателей. Механизм привлекательности низкопробной культуры объяснил еще Лев Николаевич Толстой: «Различия между ядами вещественными и умственными в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные в виде... дурных книг, к несчастью, часто привлекательны». На рынке символической арт-продукции суррогатный маскульт порождает суррогатные массовые вкусы. Искусство – по природе своей – всегда воспитывало создателя, а эрзац-культура может породить только потребителя, интересы которого не поднимаются выше пояса... «Человеческая история не имеет смысла, жизнь абсурдна, попытки изменить что бы то ни было в этом мире бесплодны. Поэтому, – писал английский социолог искусства Грэхем Смит о духовном кредо такого рода литературы, – надо смириться с распадом, отчаянием, душевной сумятицей, всеобщим разложением...» [28, с. 138, 148]. Результатом такой эрзац-культуры становится охлократизация культуры и «поврежденный», как выразилась Татьяна Толстая, читатель, зритель, не способный ориентироваться в культурно-нравственном и историко-культурном пространстве... А главное неминуемо будет поврежден механизм отождествления себя с отечественной культурой, поскольку человек будет выбит из ее духовно-нравственной парадигмы. Охлократизация культуры – самый действенный механизм разрушения социокультурной идентичности. Она подменяется идентификацией с преступным сообществом, которое состоит, как показывают каждый вечер по

телевизору, из крутых парней на дорогих машинах, с футбольными фанатами и другими асоциальными сообществами и субкультурами...

То есть социокультурные факторы по-прежнему действуют как детерминанты процесса идентификации – прежде всего, молодежи. Однако качественные характеристики этих «факторов» стали совсем иными. Следовательно, будет и качественно иная идентичность. Еще в 90-х гг. в творческой среде стал моден тезис о несочетаемости искусства и морали. Появились «художественные» произведения, которые попирают нравственные нормы, а иногда находятся за пределами добра и зла. Федор Абрамов говорил: «Писать – значит творить добро». Н.В. Гоголь считал, что «искусство стремится непременно к добру». Предмет искусства – содержание души человека, а не содержимое его желудка. И художник не патологоанатом, а уж если продолжать медицинские сравнения – психотерапевт, помогающий человеку обрести самого себя. Нет осознания, прочувствования этого долга – нет художника, каким бы профессионалом он ни был. Это внутренний стержень таланта. А сейчас очень часто нет ни этого стержня, ни таланта. Все силы идут не на призвание, а на раскрутку имени. Художнику не нужно уметь рисовать, певице можно не иметь голоса, роль в кино может купить себе любая бездарь, – как заметил однажды Сергей Шакуров. В этих условиях для многих талантливых людей «не творчество, а хлеб насущный становится главной целью» (поэтесса Валентина Коростылева). Функция искусства как нравственной самооценки и как мощного способа самопознания общества угасает, теряя идентификационный потенциал для миллионов людей.

Еще одной чертой нашего времени стала *дегуманизация* искусства, автоматически сбивающая гуманистический вектор идентификации. Из современного искусства все в большей степени человек вытравливается. У нынешнего художника нет никакого интереса к духовной жизни другого человека. Но искусство без человека не способно ничего породить, кроме пыли на полках библиотеки, где будут храниться невостребованные книги. Такой антигуманизм тем более поразителен, что именно в последнее время жизнь оказалась развороченной, боль и страдания захлестывают общество по горло, и человек как никогда нуждается в литературе и искусстве [29]. Ведь они в нашей культуре «спокон веку» держались на нравственном стержне гуманизма, издавна будучи копилкой страданий «маленького человека». Недаром Томас Манн называл русскую литературу «святой». Сегодня даже в творчестве самых ярких представителей нынешнего писательского поколения отражается «главный вектор» современной отечественной литературы – дегуманизация, исчезновение сострадания, замена его сарказмом и злой иронией. Вместо школы доброты и университета гуманизма литература превратилась в школу злословия и университета презрения к человеку. Но «сострадание, – писал Ф. Достоевский в

«Идиоте», – есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Если и возможен «бессердечный ум» (об этом писал Гегель), то бессердечного таланта быть не может: гений и злодейство несовместимы, а писатель – это совесть человечества. Подлинная литература открывает человеческое в человеке и определяет гуманистический характер отечественной идентичности. Сегодня литература и искусство развернулись на 180 градусов: от лучшего в человеке к самому худшему. И поставили целью добраться до самого дна этого звериного начала. От такой человеческой падали, как их герои, оторопь берет... Перефразируя известное выражение: все человеческое нынешнему искусству чуждо. Все животное – близко-близко...

Нельзя не отметить, что гуманистического начала в искусстве ныне объясняют поисками «экзистенциального измерения» человека. Но эти поиски приводят лишь к его... инстинктам – т.е. в его биологическое измерение. Это вполне естественно для масскульта, основной вектор развития которого, пишет крупнейший японский писатель, – это «возвращение» «царя природы» в замкнутый круг рефлексов, которыми живут его «братья меньшие» [30, с. 6]. Высшим достижением считается художественное изображение отправления естественных человеческих потребностей – в этом, пожалуй, единственное приращение «художественного опыта», которым человечество обязано постмодернистам. Но искусство всегда интересовалось содержимым человеческой души, а не желудка. Оно – зеркало, в котором человек узнает себя самого. А кого он в этом зеркале увидит – полуобезьяну или полуапостола – это зависит уже от художника, в этом и проявляется природа его художественного таланта, чему этот талант служит – животному или человеческому началу и как это влияет на идентичность читателей, зрителей, слушателей...

Этот чрезвычайно важный с точки зрения влияния на идентификационные процессы момент объяснил еще Н.В. Гоголь, который считал, что «если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение», то это является не только допустимым, но и «похвалой хорошему», «похвалой добру»... Представители современной литературы всерьез говорят о необходимости разделения художественности и нравственности, несочетаемости искусства и морали. Искусство – как единственный непосредственный способ самопознания человека и мощнейший ресурс его идентификации – невозможно лишить нравственного измерения, оно, искусство, в своих высших проявлениях и есть воплощенная нравственность, выражающая идеал Человека. Хочет этого писатель или категорически не признает – его произведение окажет влияние на читателя – в степени, прямо пропорциональной его таланту и обратно пропорциональной искусственно привнесенной назидательности. Природа художественного

творчества такова, что его результаты неизбежно определяют жизненные ценности и характер поведения человека. Механизм этого влияния, раскрывающий самую суть процесса идентификации, прекрасно объяснил писатель Владимир Максимов: «Просто он (человек – авт.) вдруг находит текст, который помогает ему объяснить самого себя: ведь и я также думаю, чувствую, понимаю» [31, с. 11]. Поэтому претензии нового направления в отечественной прозе, точную характеристику которой дал критик М. Золотоносов: «Эта проза уже никуда не ведет и ничего не навязывает. В определении она становится чистым самовыражением и интересна лишь самому автору», – самообман или чистой воды надувательство. Если литература «никуда не ведет», она ведет *в никуда* – а это особый тип морали, жизненных ценностей, разрушающих любую идентичность... [32, с. 63-64] Сможет ли человек, воспитанный в традициях гуманизма русской культуры, привыкший видеть в ней источник веры в себя и светлой надежды на будущее, идентифицировать себя с такими ценностями?

Писатель Федор Абрамов предельно кратко и точно определил связь искусства и нравственности: «Писать – значит творить добро». Зло из поэзии – и искусства в целом – не рождается. А если такое «имеет место быть», значит, это не поэзия. И не искусство. «Культура нужна для того, чтобы спасти человека», – говорил писатель Анатолий Приставкин. «Искусство стремится непременно к добру», – писал Н.В. Гоголь. В фильме Александра Сокурова «Беседы с Александром Солженициным» один из крупнейших писателей России XX в. произнес: «Высшая проба – в рамках одного произведения одолеть хаос. Постмодернизм хаос не преодолевает, а создает. Художник должен разрушать энтропию и создавать разные потенциалы. Он должен бороться против энтропии, потерянности, против отчаяния – это не приказ откуда-то извне, это его внутренний долг...». Такой же диагноз ставит постмодернизму, этому «мейнстриму» нынешней литературы и искусства другой великий русский писатель. «Здоровая душа ищет здоровые, естественные формы выражения, – говорил писатель Валентин Распутин, – нездоровая – больные, изломанные. Постмодернизм, к примеру, в литературе переродился в сплошную клинику. Чехов, утверждавший, что ново только то, что талантливо, сегодня оказывается еще более прав, чем сто лет назад» [33].

Природа идентичности свидетельствует, что ей присуще эстетическое измерение, качественное своеобразие представлений о красоте, вытекающее из специфики национальной культуры. «Родник поэзии есть красота», – писал Гоголь, обозначая источник искусства как такового. Тому же Федору Абрамову принадлежат замечательные слова: «Подлинная красота – сама по себе идея». Отсутствие такого животворящего родника прекрасного и в произведениях новой литературы и искусства, и в открытиях их сторонников и теоретиков – лучшее доказательство творческой

беспомощности и художественной убогости нынешней литературы и искусства. «Эстетика современной российской действительности – это эстетика, прежде всего, «новых русских», – объявила газета «Экстра М», – «сочетание тургеневской эстетики с помойкой – это очень красиво». На основе такого рода «философско-художественной» концепции рождаются рассказы и романы, цитировать которые неприлично, создаются фильмы и спектакли, смотреть которые стыдно – и по эстетическим, и по моральным соображениям. От русской литературы XIX и XX в. становилось стыдно за жизнь, теперь стыдно за литературу. «Пристойное» и «непристойное», – философски оправдывает это один из теоретиков «новой эстетики» критик Олег Дарк, – уравниваются на пути к изначальному, не знающему различия «добраго» и «злого», «хорошего» и «дурного» [34, с. 4].

Нынешнее поколение «художников слова» вместо внутреннего мира погрузилась в человеческие внутренности, утонуло в процессах пищеварения и удовлетворения физиологических потребностей. Дефекация и мастурбация стали высшими проявлениями человеческого «я». Применяются для этого адекватные «художественные приемы». Так, например, произведение А. Никонова «Х...вая книга» написано сплошным матом. Умиление собственными экскрементами, скрупулезное описание дефлорации в «студенческих условиях» подается как образец современной лирики... Вся эта «х...вая» литература проникнута претензиями на новую эстетику, огораживаемыми частоколом критических восторгов в своем кругу и философствования по поводу абсолютной творческой свободы копать в собственных испражнениях. Не только новую, но и «старую» – великую русскую литературу сегодня нередко опускают до уровня «эстетики помойки». Все это ведет к глубокой девальвации художественности современного искусства и литературы, вымыванию в них эстетического начала. Идентичность при этом разрушается, потому что имманентно включает эстетическое отношение к тому началу или к той общности, с которой человек себя идентифицирует. «Уж чего-чего, а культуры в нашем кино сегодня не хватает до такой степени, что трудно себе представить», – заметил Никита Михалков [35, с. 7]. По мнению главного редактора журнала «Искусство кино», известного социолога Д. Дондурья, практически все телесериалы не выдерживают эстетических критериев оценки. С точки зрения литературы тех книг, которые пользуются наибольшей популярностью, просто нет. В «творениях» нынешних поэтов нет поэзии – есть тексты – свинченые из цитат и мата, потому что их авторам нечего сказать и не о чем рассказать людям, а степень поэтической одаренности выше мата подняться не позволяет.

Замечательная армянская пословица: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек»... Но чтобы стать человеком, нужно знать хотя бы свой родной язык – материальный носитель культуры твоего народа и глав-

ный «химический элемент» национальной идентичности. Сегодня самым ярким подтверждением распада языка стал... мат, который объявляют не только законной и органической, но даже «основополагающей частью русского языка»... Со страниц «литературы», с экрана кино и телевизора, с театральной сцены безудержно несется Его Хамское Величество мат – как единственное достижение «искусства слова» со времен перестройки... Безцензурная культура стала культурой безцензурицы, мат или полумат – единственным способом самовыражения для самых потаенных страстишек авторов и для многих наших «звезд» типа Ксюши Собчак.

Известная с советских времен телеведущая народная артистка России Анна Шатилова на одной из передач отметила закономерность массовой культуры: «Чем больше мата, тем выше оплата». И добавила в адрес оппонентов из «Comedy-club»: «Дебилизация населения с помощью вашей передачи идет успешно». Но дело не только и не столько в дебилизации и снижении уровня культуры читательской и зрительской аудитории. МАТериализация высшей формы человеческой деятельности – искусства – превращает его в профанацию, а создателя книг, название которых состоит из отточий, телешедров, где половина диалога состоит из «пиканий», автоматически лишает сана служителя искусства, потому что это всегда или священослужение или просто зарабатывание денег. Что и определяет соответствующий тип идентификации тех, кто постигает жизнь с помощью искусства.

Другой тенденцией развития отечественной культуры, непосредственно влияющей на процесс идентификации, является *коммерциализация* российского искусства. Произошло, как заметил Валентин Распутин, переподчинение искусства под власть шоу, где нет иного бога, кроме денег. Свобода от любых идеологических и политических оков – неважно, подлинная или мнимая – обернулась для отечественного искусства полной зависимостью от доллара. С предельной точностью и внутренним сарказмом в середине 1990-х гг. выразил это известнейший поэт Андрей Вознесенский: «Коммерция диктует композицию». Когда известный эстрадный певец Валерий Леонтьев убеждает нас, повторяя, как заклинание:

Деньги, деньги, деньги

Деньги, не считая, отдай!

За деньги покупается рай... –

то общество должно бить в колокола, потому что в русской национальной традиции, усвоенной нашим народом, рай НЕ закрыт для последнего, но покаявшегося грешника – убийцы, блудницы, но НЕ для стяжателя и крохобора, обирающего ближнего своего. Для нашего человека смысл жизни в кошельке не уместается – это было основой системы ценностей в нашей цивилизации. Поворот на 180 градусов в таком незначительном лишь на первый взгляд вопросе – на самом деле речь идет о краеугольном камне

всего здания нравственности и социокультурной идентичности – разрушает все несущие конструкции национального сознания, навязывает ему ценности и критерии оценки добра и зла из другой культуры. Поразительно, что около трети века тому назад общество, на которое равняются неофиты западной культуры, устами «Биттлз» уже признало, что «money cant' buy love». Знаменитая песня с этими строками облетела весь мир, стала откровением для общества, где за деньги покупается все – «любовь», «счастье», «рай», явилась признанием несостоятельности подмены ценности человека суммой на его счете в банке. Отечественное же искусство (вернее, достаточно осязаемая часть его) не только кинулось пропагандировать такого рода духовные ценности, но и оказалось насквозь проникнуто духом меркантилизма. Идентификация же себя не с ценностью тебя как личности, а с суммой твоего счета в банке разрушительна не только и не столько для тех, у кого она скромная – а таких большинство. Такое ущемление бесчисленного богатства человеческой природы и неизмеримого таинства человеческой личности неминуемо скажется в деструктивных формах идентификации таких людей, которых порождает наше время.

Примечания

1. *Frank T.* Neither Nation-State Nor Globalism // Environment and Plannig. November, 1996.
2. *Elias N.* La societe des individus. Paris, 1991.
3. *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
6. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1.
7. *Mead G.H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1946; *Тэрнер Дж., Оукс П., Хэслем С., Дэвид В.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2.
8. *Wallerstain I.* Culture as the Ideo-

Annotation

1. *Frank T.* Neither Nation-State Nor Globalism // Environment and Plannig. November, 1996.
2. *Elias N.* La societe des individus. Paris, 1991.
3. *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Summer.
4. *Castells M.* The Information Age. М., 2000.
5. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. М., 1996.
6. *Antonov N.V.* The problem of personal identity in the interpretation of contemporary psychoanalysis, cognitive psychology and interactionism // Questions of psychology. 1996. № 1.
7. *Mead G.H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1946; *Turner J, Oakes P., Haslam S., David B.* Social identity, self-categorization and group // Foreign psychology. 1994. № 2.
8. *Wallerstain I.* Culture as the Ideo-

logical Battleground of the Modern World System // Theory, Culture and Society. Vol. 7. № 2–3. 1990.

9. *Абдулатипов Р.Г.* Природа и парадоксы национального «Я». М., 1991.

10. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.*, Этносоциология. М., 1999.

11. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013.

12. *Тихонова Н.Е.* Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

13. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

14. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ. М., 2004.

15. *Заковоротная М.В.* Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999.

16. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

17. *Сорокин П.* Социологические теории современности. М., 1992; Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

18. Ethnic groups and Boundaries/ The social Organization of culture differences / ed. by F. Bart. Oslo-Bergen-Tromso: Universitetforlaget, 1982.

19. *Ионин С.Л.* Социология культуры. М.: Логос, 1998.

20. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. М., 2003.

21. Ethnic Identity / ed. by G. DeVos, L. Romanucci-Ros. London, 1975.

logical Battleground of the Modern World System // Theory, Culture and Society. Vol. 7. № 2–3. 1990.

9. *Abdulatipov R.G.* Nature and paradoxes of national «self». M., 1991.

10. *Harutyunyan Y.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A.* Ethnology. M., 1999.

11. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today and tomorrow. Project leader L.M. Drobizheva. M., 2013.

12. *Tikhonova N.E.* Identity, community, power in the Russian socio-cultural model // Social Sciences and Modernity. 2001. № 3.

13. *Tishkov V.* Identity and cultural boundaries // Identity and Conflict in Post-Soviet States. M., 1997.

14. Identification processes of Russian citizens in the social space, «us» and «nesvoih» groups and communities. M., 2004.

15. *Zakovorotnaya, M.V.* A person's identity: social and philosophical aspects. Rostov-on-Don, 1999.

16. *Panarin A.* Orthodox civilization in a global world. M., 2002.

17. *Sorokin P.* Sociological theories of modernity. Moscow, 1992; Man. Civilization. Society. M., 1992.

18. Ethnic groups and Boundaries/ The social Organization of culture differences / ed. by F. Bart. Oslo-Bergen-Tromso: Universitetforlaget, 1982.

19. *Ionin S.L.* Sociology of culture. M., 1998.

20. *Benhabib S.* Claims of Culture. M., 2003.

21. Ethnic Identity / ed. by G. DeVos, L. Romanucci-Ros. London, 1975.

22. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 132–134.

23. Ferguson M. The Aquarian conspiracy: personal and social transformation in the 1980 s. London. P. 72.

24. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. II. М.: ИСИ АН СССР, 1969. С. 158–160.

25. Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

26. Российские вести. № 8 (1418).

27. Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1–2.

28. Smith G. The Novel and Society. L., Batsford Acad., 1984.

29. Щеглова Е. Человек страдающий (Категория человечности в современной прозе) // Вопросы литературы. 2001. № 6.

30. Кобо Абэ. Все начинается с простейшего... // Известия. 1989. 22 июля.

31. Максимов В. Мои предсказания, к сожалению, сбываются // Московская правда. 1994. 3 февр.

32. Быков Д. Дом на пустыре // Столица. 1993. № 40.

33. Элита России. 2004. № 3.

34. Дарк О. Страшный суд Егора Радова // Радов Е. Змеесос. М., Таллин, 1992.

35. Шемякин А. Вспомнить и помянуть. Послесловие // Независимая газета. 1994. 10 февр.

22. Antonov N.V. The problem of personal identity in the interpretation of contemporary psychoanalysis, cognitive psychology and interactionism // Questions of psychology. 1996. № 1. P. 132–134.

24. Ferguson M. The Aquarian conspiracy: personal and social transformation in the 1980 s. London. P. 72.

25. Parsons T. Functional theory of change // Structural and functional analysis in modern sociology. Vol. II. M., 1969. P. 158–160.

25. Goldstein, A. Parting with Narcissus. Experiments memorial rhetoric. Moscow: New Literary Review, 1997.

26. Russian News». № 8 (1418).

27. Bourdieu, P. Market symbolic production // Questions of Sociology. 1993. № 1–2.

28. Smith G. The Novel and Society. L., Batsford Acad., 1984.

35. Shcheglova E. Man suffers (Category humanity in modern prose) // Problems of Literature. 2001. № 6.

30. Kobo Abe. It all starts with the prostation ... // Izvestia. 1989. July 22.

31. Maksimov V. My prediction, unfortunately, true // Moskovskaya Pravda. 03.02.1994.

32. Bikovs D. House on a vacant lot // Capital. 1993. № 40.

33. Elite of Russia. 2004. № 3.

34. Dark O. Judgment Yegor Radova // Radov E. Zmeesos. M., Tallinn, 1992.

35. Shemyakin A. Recall and remember. Afterword // Nezavisimaya Gazeta. 10.02.1994.